

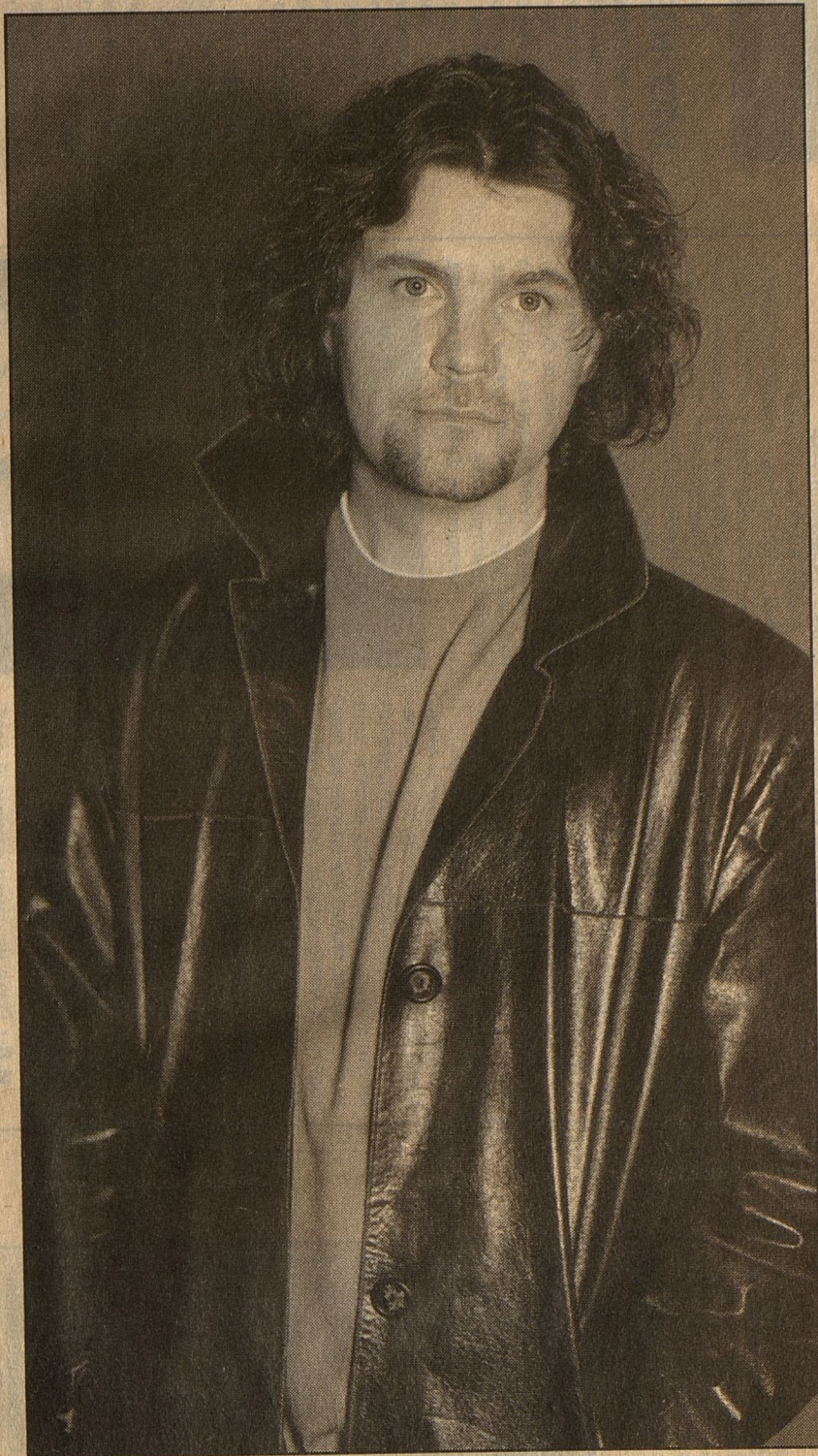
ПАСКАЛЬ:

Ber. клуб - 2002 - 25 июля, - с. 16

МУЗЫКА —

ЭТО БОЛЕЗНЬ,
ОТ КОТОРОЙ НЕ ХОЧЕТСЯ ЛЕЧИТЬСЯ

Главный постсоветский Кэт Стивенс, этот похожий на занявшегося армрестлингом Дон Кихота и одновременно на Че Гевару молодой человек, просто непозволительно выбивается из стройных рядов прилизанных попсовиков, наводнивших телеэкраны и заполонивших радиоэфир. Во-первых, он упорно предпочитает работать вживую и, в частности, устроил великолепный «анплаггд» в «Песнях для взрослых» у Димы Широкова. Во-вторых, избегает эстрадной униформы и модели поведения, зато весьма органично смотрится со старомодной акустической гитарой. А в-третьих, напрочь отвергая набившие эстетическую оскомину «умца-умца», умудрился стать заметной и неизменно узнаваемой фигурой именно на поп-сцене (одно «Шелковое сердце» чего стоит!), оставляя записным рокерам их собственную нишу. Его сравнивают с Барыкиным, который тоже виртуозно балансировал между изяществом и коммерческим успехом, а чаще — с западными товарищами, ибо от профессионализма его опусов слишком веет чем-то ненашим. Самый странный из эстрадных артистов дает эксклюзивное интервью специально для «ВК».

ВК: Правда, что ты записываешь пластинку с музыкантами Земфиры?

П.: Нет, это не пластинка, это две песни, которые мы решили записать в исключительно живом звучании. Я этих ребят знаю уже 300 лет; сначала они были мои друзья, а потом стали музыкантами Земфиры. Если так ставить вопрос, то в первую очередь я записываю песни с друзьями.

ВК: И что дальше?

П.: Уже ближе к октябрю надо будет думать о релизе следующей пластинки, которая получается много интереснее, чем первая. А может, мы те песни, которые записали с музыкантами Земфиры, прибережем для отдельного альтернативного альбома. Но альтернативного не по духу, я останусь Паскалем и там.

ВК: Айзеншпис однажды сказал: ужасно, что многие артисты верят, будто народ любит лохов, и выдают изначально плохой продукт.

П.: Это унижение народа, я считаю, искусственное его притупление. Можно, конечно, круто отколбаситься под песню «Я беременна» — это фишка, так не пел никто, все нормально. Но пройдет полгода, и надо будет посмотреть, насколько народу в душу упадет эта песня. Совершенно очевидно, что это «быстрый проект»; выставить, отдышаться, мол, вот она я, и побежать дальше. Я не знаю, что было бы, если бы «Руки» запели песни, ну, хотя бы уровня Преснякова или «Иванушек», народ бы им этого не позволил. Точно так же я думаю, что если бы «Иванушки» запели песни уровня «Руки вверх» — это была бы просто тошнотка. Поэтому, когда музыкант начинает делать проект, он должен представлять, какая будет первая песня.

ВК: А что делать-то? Это диагноз?

П.: Музыка — болезнь, это совершенно точно. Болезнь, от которой многие вылечиться не хотят. Я тоже не хочу лечиться от этой болезни, тут такой непередаваемый восторг, когда ты пишешь песню. Одну песню я писал четыре месяца, а другую — спустился в подвал и там под шум дождя за два часа сделал. Самый короткий срок написания песни — минуты три.

ВК: Бывали в жизни неприятные ситуации?

П.: Совсем неприятных не было: меня не били. Самая неприятная, когда мы с Антоном (сыном) пошли в зоопарк. (С украинским акцентом): «О, Ген, глянь, волки! О, Ген, глянь, медведи! О, Ген, глянь Паскаль!». Хотя... если Витас будет сейчас стоять на остановке, его не узнают, а меня узнают — я в жизни выгляжу так же, как и на сцене.

ВК: Как ты сам себя позиционируешь среди российской попсы?

П.: Мы все здесь — музыканты относительные, жить чисто музыкальной жизнью нам не позволяет экономическое устройство нашего государства. С «Шелковым сердцем» в Европе я бы стал миллионером, вместе с Костей Арсеньевым (автором текста), а здесь я за два года существования альбома получил 45 тысяч рублей, что просто оскорбительно для артиста любой величины. Сумы, которые предлагают за альбом, не покрывают даже расходы на запись.

ВК: Известна твоя увлеченность боулингом, гонками...

П.: Спорт в замкнутом пространстве — циклический какой-то. Мне это не очень нравится, просто удобно. Я играю в боулинг, так как в этом есть определенный азарт. Вхожу в команду, она называется «Самолет». Там Иванов, Городецкий, Саша из «Тайм-аута». Иванов — бессменный лидер, он играет достаточно стабильно и плотно. Я Иванова обыгрывал, но не часто.

ВК: А путешествия?

П.: Другое дело. Я был во многих интересных местах, в которые туристы не заезжают. То есть, что нам известно об Италии? Рим, Флоренция, башня Пизанская... Но вряд ли кто-нибудь приедет в Урбино, на родину Рафаэля, где находится музей с половиной его картин. Я весь север Италии объездил на велосипеде и на перекладных. У меня мечта — объехать на машине все Золотое кольцо. Это такая цепочка древних городов, ожерелье вокруг Москвы, Золотым кольцом названо. Может быть, название немного пафосное, а на самом деле, это какое-то духовное кольцо. Я считаю, что Москва этим кольцом защищена.

ВК: Как следишь за собой, диеты уважаешь?

П.: Диет практически нет, за исключением периодов болезни. Я перестал быть чистым вегетарианцем. Вегетарианство — неагрессивный стиль жизни, созерцательный, а у нас очень сильные нагрузки: по три ночи не спишь, постоянно стрессы, поэтому белок просто необходим. А иногда мне просто хочется съесть нормальный кусок мяса, все банально. Если у меня будет пенсия, то на пенсии буду вегетарианцем.

ВК: Для многих наших звезд вегетарианство — поза...

П.: А что не поза? У нас и само понятие «звезда» скомпрометировано. Слово какое-то ругательное.

ВК: И последний, самый банальный вопрос: что нужно делать, чтобы добиться успеха?

П.: Играть и петь. ■